

История Китая в XX веке¹

Николай Павлович Рябченко,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: ranaut@mail.ru

В статье рассматривается монография О.Е. Непомнина об истории Китая в XX веке. Отмечены ряд оригинальных подходов и оценок автора и некоторые дискуссионные моменты в понимании исторических процессов.

Ключевые слова: Китай, демографические циклы, культурная революция, Мао Цзэдун, реформы.

History of China in the XX century.

Nikolai P. Ryabchenko, Cand. Sc. (History), senior researcher of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok.

The article investigates the monograph by O.E. Nepomnin on Chinese history in the XX century. It highlights a series of original approaches and author's estimates and some discussion points in the understanding of historical processes.

Key words: China, population cycles, the Cultural Revolution, Mao Zedong, reforms.

В современной России, как и в СССР, вышло уже немало обобщающих трудов о новой и новейшей истории Китая. Поэтому, когда видишь ещё одну книгу такого же плана, возникает мысль: зачем автору нужно было её писать? Чтобы заполнить отведённое Китаю место в серии «История стран Востока. XX век», издаваемой Институтом востоковедения РАН? Однако имя автора, Олега Ефимовича Непомнина, одного из корифеев отечественного китаеведения, не позволяет книге остаться незамеченной, и когда приступаешь к чтению, становится ясно, что причины вновь обратиться к истории Китая отнюдь не формальные. Их как минимум две: заполняя пробелы предыдущих изданий, более полно показать историю страны и использовать давно разрабатываемые автором идеи и теоретические концепции для более глубокого понимания характера и особенностей протекания исторического процесса в Китае.

Что касается полноты изложения, достичь её позволяет максимально широкий круг использованной литературы на русском, китайском и западных языках, насчитывающий более трёхсот монографий. Вслед за автором читатель прослеживает этапы истории Китая. От событий, предшествовавших крушению цинской монархии, через смуту и гражданские войны, борьбу с японской агрессией к истории современного китайского государства,

¹ Непомнин О.Е. История Китая. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2011. 736 с. (История стран Востока. XX век).

также наполненной многими драматическими эпизодами. И если главные вехи истории Китая в XX в. и событийная канва нам хорошо известны, то некоторые периоды и факты нуждаются в прояснении и уточнении. Прежде всего, это периоды смуты. Автор внимательно их анализирует и даёт подробную картину первых лет республиканской власти, перипетий борьбы милитаристских группировок, хаоса, последовавшего за государственным переворотом Мао Цзэдуна и его сторонников, названного ими «культурной революцией».

В исторической литературе нередко существуют различные трактовки одних и тех же событий, и трудно выбрать достоверную. Тогда приходится идти по пути отказа от наиболее сомнительных. Таковой мне представляется версия антибюрократической направленности «культурной революции», которую использовал Мао Цзэдун и которая якобы оказалась созвучна настроениям народа, особенно молодёжи, готовых выступить против возрождения традиционной, эксплуататорской по своей сути, системы отношений «чиновничество — народ» (с. 573—574). Сомнительна она по нескольким причинам. Во-первых, КНР к тому моменту существовала каких-то 17 лет, в масштабах китайской истории это один миг. Если негативные процессы в чиновничьей среде действительно получили какое-то развитие, то они не могли зайти слишком далеко и стать горючим материалом для грандиозной десятилетней смуты. Во-вторых, постоянные идеологические кампании держали ганьбу в тонусе, не позволяя им расслабляться и активно заниматься коррупцией, стяжательством. Наконец, в-третьих, новое чиновничество в отличие от старого, дореволюционного не имело возможности накапливать богатства и использовать их, чтобы реально стать новым поколением «класса-государства» в его классическом виде.

Для объяснения причин «культурной революции» можно использовать метод «от обратного», когда достигнутая цель — неограниченная личная власть Мао Цзэдуна — указывает и на мотивы. Скорее всего, Мао Цзэдун пошёл на совершение переворота, прежде всего опасаясь ответственности за прошлые грехи, главный из которых — закончившийся полным крахом «большой скачок». Конечно, положение основателя нового государства давало ему достаточные гарантии личной безопасности и формальные почести. Но крепнувший авторитет оппозиции и ослабление его собственного — вполне достаточная для восточного деспота причина показать, кто в доме хозяин, стереть в порошок обидчиков и раздуть культ собственной личности до невероятных размеров, закрепляя навечно в сознании народа образ «великого вождя». Основательно позаботиться обо всём этом следовало заранее, памятуя о посмертной участи Сталина, сброшенного бывшими соратниками с пьедестала истории. Ну а потом, укрепив личную власть, можно вновь пытаться осуществлять свои утопические идеи.

Тут история делает интересный поворот, который следовало бы осветить более подробно. В лагере победителей возникли новые противоречия и расколы, появились т.н. прагматики, которые стали тянуть к «экономизму». В начале 70-х гг. была развёрнута их критика как последователей Конфуция. Левые сторонники Мао своим историческим героем избрали Цинь Шихуана. Под историческими аналогиями, преподносимыми китайской прессой как реальность и злоба дня, скрывалась нешуточная борьба вокруг

будущего пути развития Китая: будет ли это по-прежнему маоистский казарменный коммунизм, или власть достанется новым «конфуцианцам» и страна скатится к капитализму. Здесь обращают на себя внимание два момента, по значению выходящие за пределы данной конкретной политической ситуации. Первый: политические противники точно видят, где враг, понимают его стратегию и тактику, т.к. методы борьбы отточены до совершенства ещё в далёком прошлом. Поэтому сторонние наблюдатели в мире вполне могут доверять в понимании той или иной политической ситуации её китайским участникам. Второй момент состоит в том, что левые точно оценили предпочтения своих противников, резко взявших курс вправо, как только было покончено с маоистской диктатурой.

Попутно отметим один факт, относящийся к «культурной революции» и вызывающий сомнения. Приводятся данные (с. 662) о том, что в период этой десятилетней смуты пострадало 100 млн чел., было заведено 100 тыс. судебных «дел», по которым проходило более 100 млн чел. Первое число вполне могло быть таким, учитывая внесудебные расправы хунвэйбинов со своими жертвами и различные формы преследования граждан — собрания и митинги «борьбы». Но если принять на веру вторую и третью, то получится, что по одному «делу» проходило в среднем более тысячи человек, что многовато даже для Китая. Скорее всего, здесь сработала магия круглых цифр. Данные по итогам реабилитации жертв «культурной революции» в провинции Хэйлуунцзян показывают, что всего там было заведено 81 155 «несправедливых, сфабрикованных и ошибочных дел», по которым осуждено 117 840 чел.¹, т.е. на одно дело приходилось по 14—15 чел.

Любопытную трактовку автор даёт появлению идеи реформ. На с. 623—624 оно описывается следующим образом. В начале 80-х гг. произошёл откат в характере экономики и состоянии социума на несколько десятилетий назад. За исключением того, что в КНР было покончено с помещичьим землевладением и полукониальной зависимостью, страна стала напоминать гоминьдановский Китай. «Официально признать возврат к системе времён Гоминьдана стало бы позором для компартии, так как означало бы, что её политика и марксистское учение провалились. Но поскольку возвращение назад было неизбежно, постольку отступление на гоминьдановские рубежи следовало подать как великую теоретическую находку марксистской мысли, как огромную заслугу партии и Дэн Сяопина. Следовательно, отход на экономические позиции гоминьдановского периода был назван „реформами“ и был подан как „рыночный социализм“, как „двухколейное развитие экономики“, т.е. движение одновременно по социалистическому и по капиталистическому пути, как „социализм с китайской спецификой“. А кроме того, возврат был назван движением в направлении уровня *сяокан*, т.е. „среднезажиточной жизни“».

В этой связи можно сказать, что история редко идёт прямыми путями. А уж тем, кто её творит, частенько приходится проявлять чудеса изворотливости. Потом они об этом предпочитают просто не вспоминать. Главное, чтобы то, что начиналось не очень красиво, пошло на благо народа и достойно

¹ Хэйлуунцзян шэн чжи. Ди ци ши цзюань. Гунчаньдан чжи = Описание провинции Хэйлуунцзян. Т. 70. Описание КПК. Харбин: Хэйлуунцзян жэньминь чубаньшэ, 1996. С. 272.

завершилось. Ведь в истории бывает и наоборот: объявленные с огромной помпой начинания, такие как «большой скачок» и «культурная революция», заканчиваются полным провалом и многочисленными невосполнимыми потерями для страны и народа.

Когда читаешь труд О.Е. Непомнина, замечаешь одну авторскую особенность. Учёный стремится называть вещи своими именами: «диктатура», «деспотия», «император» (о Мао Цзэдуна), и это импонирует. Но когда начинаешь вдумываться, то понимаешь, что каждое такое «имя» неоднозначно и требует пояснений. Возьмём сравнение Мао Цзэдуна с императором. По властным возможностям он если и уступал китайским императорам, то не намного, а в чём-то, наверное, даже превосходил. Но в отличие от них, не строил для себя дворцов, парков, не накапливал сокровищ, да и вообще не имел никакого имущества за исключением личных вещей. Получается какой-то нетипичный император. И это только внешняя сторона, внутри ещё сложнее. В. Юго в «Отверженных» писал: «Человек — это не круг с одним центром; это эллипс с двумя средоточиями. События — одно из них, идеи — другое»¹. Как известно, этот «император» был настоящим генератором идей, в которых ещё надо разбираться.

Стремление выявить закономерности в истории китайского общества — одна из важнейших черт рецензируемого труда. Автор исходит из концепции периодически повторяющихся династийно-демографических циклов. Слом каждого из них сопровождался хаосом, войнами, возрастала роль и влияние военных. При становлении нового цикла власть переходила к гражданским чиновникам. Всего, согласно автору, в истории Китая насчитывается восемь таких циклов. Седьмой, Тайпинский, охватывал годы с 1870 по 1949 и отличался сочетанием традиционных и современных черт. Войны, власть милитаристов, старых и новых (Гоминьдана), как раз и были одним из проявлений цикличности на фазе кризиса и слома старого цикла. Важнейшей силой внутренней вооружённой борьбы были крестьянские восстания. Автор, исходя из того, что армии коммунистов состояли в основном из крестьян и действовать им приходилось в сельской местности, рассматривает вооружённую борьбу КПК в 1927—1949 гг. как одно из крестьянских восстаний в истории Китая, положившее начало современному, восьмому, Коммунистическому циклу.

Сразу надо сказать, что выявление последнего цикла — это новейшее достижение О.Е. Непомнина. Прежде все, кто изучал демографически-структурные циклы, останавливались на пороге современности, полагая, что цикличность характерна лишь для традиционных обществ, а дальше она нарушается под влиянием новых факторов и обстоятельств. Хотя реалии современного Востока таковы, что ему не удаётся преодолеть противоречие между быстро растущим населением и ограниченными возможностями природной среды, т.е. цикличность сохраняется. Только это уже не страновая цикличность, а часть глобальной, когда жизненные ресурсы могут переливаться в нужном направлении, но их всё равно не хватает. Поэтому нынешний китайский цикл, вероятно, также следует рассматривать не отдельно, а в контексте общего глобального развития. Но это тема, требующая специального рассмотрения.

¹ Юго В. Собрание сочинений в шести томах. М., 1981. Т. 3. С. 538.

В связи с проблемой цикличности возникает вопрос, где её границы и как она соотносится с линейностью социально-экономического развития государств. О.Е. Непомнин связывает её с эволюцией общества традиционного типа, тогда как линейное развитие считает присущим капитализму и современности. Хотя, наверное, на самом деле одно не исключает другого. Традиционный Восток хоть медленно, но прогрессировал, а современному капитализму присущи циклические кризисы. К настоящему времени, согласно автору, ситуация такова: Тайвань уже встал на путь линейного развития, а материковый Китай переживает сложный и противоречивый период «антисистемного состояния», при котором противостоят друг другу капитализм и традиционность (с. 654). Чем закончится это противостояние — неизвестно. Автор оставляет читателю возможность поразмышлять над этой задачей самостоятельно.

Отнесение китайского коммунистического движения в разряд крестьянских хорошо укладывается в русло авторской концепции истории Китая. Однако вряд ли можно безоговорочно считать его таковым. Дело не только в социальном составе КПК, её армий и деревне как арене деятельности в течение 20 лет. Никуда не деться от того факта, что КПК возникла и функционировала как часть мирового коммунистического движения, и борьба шла за будущее не только Китая, но и всего мира. Помощь и поддержка шли со всего мира, особенно из Советского Союза. Руководство КПК имело возможность укрыть своих детей в СССР, через Коминтерн поддерживать связи с международным коммунистическим движением, на заключительном этапе вооружённой борьбы использовать надёжный советский тыл для Маньчжурской революционной базы. Ничего подобного не могло быть в прошлом. Вынужденный уход китайских коммунистов из городов в деревню, в принципе, не изменил ситуацию: какая-то связь с городами сохранялась, хоть через 20 лет, но они туда вернулись, и, главное, в отличие от прошлых веков, это была часть общемировой борьбы. Конечно, Мао Цзэдун был склонен вести и свою игру, в ней многое было специфически по-восточному и по-крестьянски, позже это сработало, когда он пошёл на разрыв с Советским Союзом. Но всё равно Китай уже был частью мирового революционного процесса.

Другое дело, что революциями история не ограничивается, существуют более глубокие уровни её движения: та же обусловленная демографией цикличность. История КНР второй половины XX в. показала, что происходят фундаментальные изменения и другого рода. Быстрый подъём Китая, который какое-то время находился в тени социалистического лагеря, укрепление его связей с соседями по региону обозначили наличие восточноазиатского культурно-цивилизационного ядра. Сейчас его влияние в мире растёт и стремительно приближается к западному. Отношения Востока и Запада приобретают ключевое значение для мирового развития¹.

Восточно-западная динамика существовала в мире если не всегда, то очень давно. Её всплеск в наши дни исторически был подготовлен именно в XX в., когда Китай «встал во весь рост». Взгляд на китайскую историю под этим углом зрения позволит по-другому увидеть многие события и дать им другие оценки. Но тогда придётся писать ещё одну «Историю Китая», где она будет уже тесно связана с мировой.

¹ Рябченко Н.П. От глобализации к глобальной цивилизации. Владивосток: Дальнаука, 2012. 263 с.